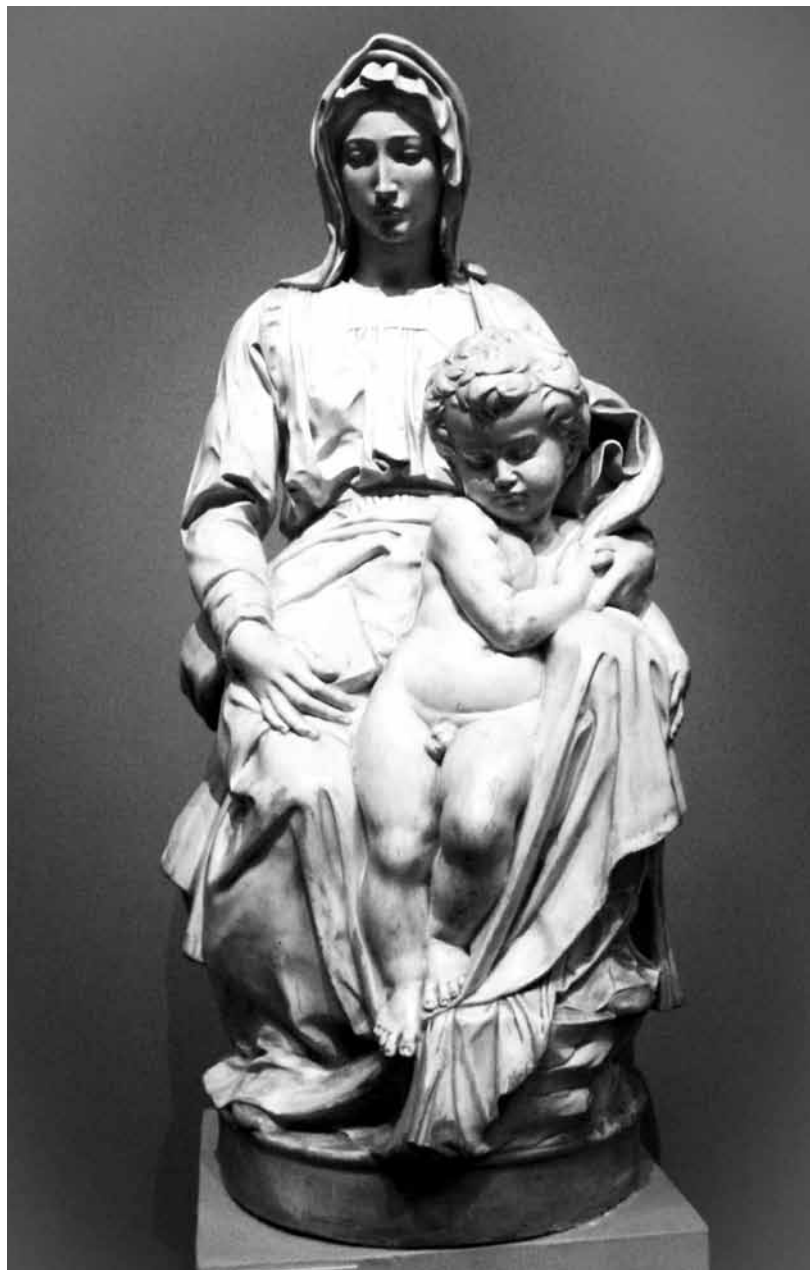

Петр Баренбойм

Groafschap Vlaanderen
**Мистика Фландрии
и Утопия Брюгге**
Utopia

-

2017

91.7034.5

85.143(4)

24

24

— : . — . : , 2017. — 144 .
ISBN 978-5-906072-23-8

XV

XIX

Petr Barenboim

The Mysticism of Flanders and the Utopia of Bruges

/Loom, M., 2017/

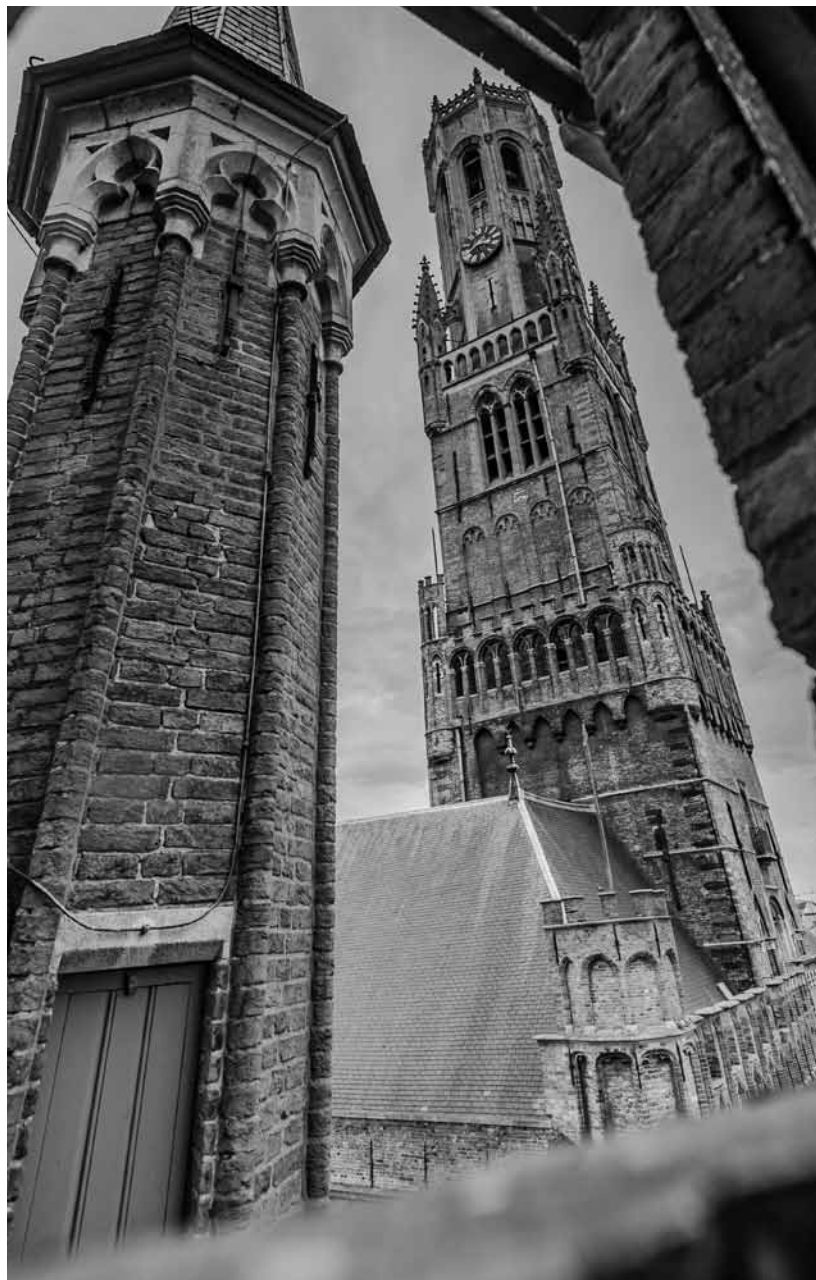
This book by Petr Barenboim, the President of the Moscow Florentine Society, is dedicated to Bruges, one of the most beautiful cities in the world. The author calls Bruges the «Florence of the North», because in the 15th century this city became the birthplace of the Northern Renaissance, an historical period which made a telling impact on the cultural development of Europe, thus having influenced even the Italian Renaissance. However, the significance and the spirit of this city cannot be fully understood without learning the history of the Plains of Flanders—the western provinces of modern Belgium—which surround it. The book includes Russian translations of the poems by English and American authors, inspired by Bruges. All of these translations were made specially for this publication. Compiled in the genre of commented anthology, the book also contains extensive excerpts from the novels of Georges Rodenbach, the Belgian author who glorified the city of Bruges in the late 19th century.

ISBN 978-5-906072-23-8

/LOOM, 2017

*Посвящается семье Сидики:
памяти Гиса и Наима
и дорогим Галине и Али*

.....	9
.....	12
.....	25
.....	44
.....	53
« ..... »	
.....	58
.....	72
« ..... »	88
-	145

, -
 ,
 500 , 1516 , -
 « ».
 -
 . « » -
 .
 ,
 XXI .
 .
 , , -
 ,
 30- .
 ,
 -
 -
 .
 -
 1935 -

1992

. -
 , -
 ,
 ,
 ,
 ,
 ? , ,
 , -
 , -
 , , , .
 « » ,
 , V . . .
 , ,
 . ,
 -
 -
 « » (world-shaping
 cities). , ,
 ,
 , , , ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 « -
 »
 -
 -
 -
 .
 - , , ,
 ,

1826

Carillon (« »), , ,

1854-

Le arillonneur («   »),

1897- , , « ».

*Колокола в сладостном противоречии
Смешиваются с каждым чудным видением,
Смешиваются с предсказаниями судьбы
Цыганских шаек мечты и фантазии,
Которые заполняют нетронутые просторы
Молчаливой земли трансов.*

[illegible]

1921 :

*Студент Сорбонны ты или бродячий плут,
Взгляни: моя сума наполнена едою.
Накинь свой рваный плащ, и мы пойдем с тобою
В чудесную страну, что Фландрией зовут.*

*В дороге мы найдем в любой корчме приют,
Под ливнем вымокнем и высохнем от зноя,
Пока из-за холмов в глаза нам не сверкнут
Каналы Фландрии студеною волною.*

*Довольно ты склонял над пыльной кипой грудь,
Взгляни: через поля свободный льется путь!*

*Смени ж грамматику на посох пилигрима,
Всю мудрость позабудь и веселись, как дрозд,
И наша жизнь пройдет струей мгновенной дыма,
Среди молчанья стад и в тихом блеске звезд.*

1928

:

? VII .

XXI —

(Andre de Vries, Flanders: A Cultural History, Oxford University Press, 2007), -

«Представляется, что тема и намерение всякого искусства заключаются в примирении индивидуума с Вселенной и что момент подъема и есть тот художественно важный момент, когда чаши весов сохраняют равновесие. И впрямь было бы очень соблазнительно выявить это соотношение в различных произведениях искусства, показать, как в симфонии голоса бурного дня сливаются с шумом нашей крови, как здание может уподобляться наполовину лесу, наполовину — нам самим. А создавать портрет — не значит ли рассматривать человека как пейзаж, и бывают ли пейзажи без фигур, и не преисполнены ли эти фигуры повествованием о том, кто их видел? Тут обнаруживаются удивительные соотношения. Иногда они располагаются рядом в богатом плодотворном контрасте; иногда человек словно выходит из пейзажа, иногда пейзаж — из человека, чтобы потом вновь ужиться друг с другом, как подобает равноправным сородичам. Временами природа словно приближается, придавая даже городам подобие пейзажа, а в кентаврах, в морских девах и в морских старцах бёклиновской породы человечество приближается к природе: однако в конечном счете все всегда сводится к этому, и не в последней степени — поэзия, которая как раз тогда способна больше всего сказать о душе, когда она дает пейзаж, и которая отчаялась бы высказать глубочайшее в человеке, оказись он в том безбрежном, пустом пространстве, куда охотно помещал его Гойя.

Интересно проследить, как на разные поколения влияла, стимулируя и воспитывая, то та, то другая сторона природы: одни прорывались к ясности, блуждая в лесах, дру-

гим нужны были горы и замки, для того чтобы найти себя. У нас не такая душа, как у наших отцов. Мы еще можем понять замки и ущелья, вырастившие их, но там нам больше нечего делать. Наше восприятие не извлекает больше оттуда ни единого нюанса, наши мысли больше не множатся, мы чувствуем себя словно в старомодных комнатах, где невозможно думать о будущем. Нам нужно то, мимо чего наши отцы проезжали в закрытых каретах, нетерпеливые, терзаемые скукой. Где они открывали рот, чтобы зевнуть, мы открываем глаза, чтобы смотреть, ибо мы живем под знаком равнины и неба. Это два слова, но они, по сути дела, объемлют единое переживание: равнину. Чувство равнины растит нас. Мы понимаем ее, и она заключает в себе нечто образцовое для нас; тут все значительно: великий круг горизонта — и редкие предметы, важные и простые перед лицом неба. И само это небо, о сумерках и рассветах которого рассказывает по-своему каждый из тысячи листьев на кусте и которое ночью вмещает куда больше звезд, чем тесные, сдавленные небеса над городами, лесами и горами... На подобной равнине живут художники, о которых пойдет речь. Ей они обязаны своим становлением — больше того: ее неисчерпаемости и ее величию они обязаны тем, что их становление продолжается».

XV .

?

«Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование... Даже в самые темные времена Средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами... Для этих вершинных подвигов требуется окружающее великолепие, а что может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием. Даже скудно и убого было пытаться сопоставить Гималаи с прочими, лучшими нагорьями земного шара. Анды, Кавказ, Альпы, Алтай — все прекраснейшие высоты покажутся лишь отдельными вершинами, когда вы мысленно представите себе всю пышную нагорную страну Гималайскую... Говорит Агни-Йога: «Оглушающая обыденность, тьма кричит, Тьма не выносит дерзновения света»... Нужно научиться мечтам — этим высшим росткам мысли. Дерзнем! Не убоимся мечтать о высоте. С горы виднее. С гор скрижали Завета. С гор — герои и подвиг... Благородная идея собрать международную конференцию в Брюгге для утверждения нашего Пакта Мира меня глубоко трогает. Драгоценно видеть светлую инициативу в области культуры на защиту сокровищ человеческого гения... Не случайно Конференция собирается в Брюгге. Ваш город, этот живописный памятник старины, сущностью своей уже молит о Культуре. Знаменитые колокола Брюгге, которые вдохновляли меня во время посещения вашей прекрасной сокровищницы; пусть эти колокола будут колоколами победы Конференции Знамени Мира. Всегда вспоминаю, что музыка к вступлению посвященной мне оперы «Принцесса Мален» построена на благородной гармонии колоколов древнего Брюгге... Поистине я хотел бы приветствовать Конференцию в Брюгге как начало Лиги Культуры. Ее внутреннее значение будет заме-

чательным и откроет новые врата для будущих славных построений в области культуры. Конференция в Брюгге не окажется тем мотыльком, который обжигает крылья на первом пламени. Она образует тот светоносный легион, пламенные крылья которого будут расти в созвучии с подвигом великой красоты и славной необходимости... Брюгге, с которым у меня связаны глубокие воспоминания. Город ван Эйков и Мемлинга всегда был притягателен мне. Да и где же другой город в Европе, где бы сохранился весь живой уклад старины в такой неприкосновенности? Эта неприкосновенность Прекрасного именно так нужна при мыслях об охранении сокровищ человеческого гения. Само Провидение судило, чтобы именно Брюгге стал постоянным местопребыванием нашего мирного союза... Самые сердечные пожелания шлю славному городу Брюгге, который бессмертно высится символом множества прекрасных имен... Мы не должны бояться энтузиазма. Только невежды и духовно бессильные могут глумиться над этим великим и чистым чувством... Мы устали от разрушений и взаимного непонимания, лишь Культура, лишь всеобобщающие понятия Красоты и Знания могут вернуть нам общечеловеческий язык... Со снежных вершин Гималаев во имя этой всеобнимающей, всепобедоносной красоты творчества, в самом широком понимании, я приветствую вас, приветствую друзей-единомышленников Культуры, и это единение в Прекрасном умножит силы наши, волеет согласие в мышление наше и убедительностью прекрасной необходимости привлечет к нам множество сотрудников Культуры».

-
.
-
-
-
.
-
.

нении хранителя маяка, с того времени, как он навещал в башне престарелого Бавона де Воса. Не поэтому ли он, в сущности, так поспешил принять участие в состязании *carillonneur*’ов? Теперь он признался в этом самому себе: он сделал это не только из влечения к искусству, из любви к городу и с целью воспрепятствовать тому, чтобы его красота безмолвия и запустения была осквернена преступною музыкою... Он предвкусил также в одно мгновение удовольствие от обладания, так сказать, вершиною башни — от возможности подниматься туда, когда он захочет, господствовать над жизнью и людьми, жить как бы в преддверии бесконечности.

Выше жизни! Он повторял про себя эту таинственную фразу, воздушную фразу, которая, казалось, также поднималась, выпрямлялась — благодаря чередованию слогов, была как бы символом ступенек темной лестницы, увеличивающейся и прорезающей воздух... Выше жизни! На равном расстоянии от Бога и земли... Жить уже в вечности, оставаясь человеком, чтобы волноваться, чувствовать и радоваться всеми силами, всем телом, воспоминаниями, любовью, желанием, гордостью, мечтами. Жизнь — сколько в ней грустных, неприятных и нечистых проявлений; выше жизни означало полет, треножник, магический алтарь в воздухе, где все зло испарялось и исчезало бы, как в слишком чистой атмосфере...

Таким образом, он поселится на краю неба, как пастырь колоколов; он будет жить, как птица, так далеко от города и людей, на одном уровне с облаками...

Он будет здесь жить выше жизни! Действительно, он увидел через высокие окна необъятный пейзаж, город, расположенный там, внизу, в глубине, в пропасти. Он не решался взглянуть. Он боялся, что у него zakружится голова. Необходимо было приучить свои глаза смотреть на мир из преддверия бесконечности, где, ему казалось, он очутился...

Выше жизни! Отныне он поднимался на башню, как будто поднимался в царство своей мечты, быстрым шагом, освобожденный от тщетных забот о любви, мелких семей-

ных неприятностей, которые слишком долго отягощали его восхождение к высоким целям. Он вступил в героический период. Циферблат на башне светил ему, как щит, с помощью которого он боролся с мраком. Колокола воспевали гордые гимны; эта музыка не казалась больше слезами того, кто поднялся на высоту и оплакивал город: ее звуки не напоминали и горстей земли, падающих на могилу умершего прошлого. Это был концерт освобождения, мужественное и свободное пение человека, чувствующего себя освобожденным, смотрящим на будущее, господствующего над своей судьбой, как над городом...

Чистый воздух вскоре проник через амбразуры, щели, открытые террасы, по которым ветер проносится, как вода под аркою моста. Борлют почувствовал себя освеженным, обновленным этим широким порывом ветра, приходившего от небесных берегов. Ему казалось, что ветер очищал его душу от мертвых листьев. Ему открылись новые пути, ведущие далеко. Он нашел в своем внутреннем мире новые лужайки. В конце концов, он постиг самого себя.

Забвение всего, с целью овладеть собою! Он испытывал ощущение первого человека в первый день его жизни, когда еще ничто не произошло с ним. Сладость метаморфозы! Он обязан был ею высокой башне, достигнутой вершине, где зубчатая площадка казалась алтарем Бесконечности.

С такой вышины нельзя было более различать жизнь, понять ее! Да! Каждый раз у него кружилась голова, являлось желание потерять равновесие, броситься — но не по направлению к земле, к пропасти, к спиралям колоколен и крыши, показывавшихся там, внизу, в глубине. Нет, он чувствовал притяжение пропасти высоты...

Ему казалось, что он взглянул на жизнь с точки зрения Вечности...»

«Достигнув вершины, он увидел город у своих ног, отдохавший, очень спокойный. Ах, какой урок тишины! Ему стало стыдно перед ним за свое взволнованное существование. Он отрекся от своей несчастной любви во имя любви к городу. Последний снова захватил его, овладел им целиком, как в первые дни фламандской пропаганды. Как красив был Брюгге при взгляде на него с высоты, с его колокольнями, остроконечными крышами, уступы которых казались тоже ступеньками, чтобы подняться к мечте, перенестись к чудному прошлому!»

«Это очень интересный и характерный отрывок; мы наглядно узнаем, чем представляется иногда Борлюту эта оригинальная, высокая и красивая по архитектуре башня. Это — та высокая гора, о которой говорит Рубек в пьесе Ибсена, это — та пятая стихия, о которой мечтает сильная, пробудившаяся душа Альмы в трагедии Минского. Жорис Борлют стремится тоже постоянно стать выше жизни, подняться над всеми мелочами жизни, взглянуть на них объективно, т.е. сверху, сделаться сильным, свободным, широко и глубоко смотрящим на все человеком».

.

,

.

XIV–XV .

. ., 1937)

«Название «Бельгия» в применении к интересующей нас стране было заимствовано гуманистами эпохи Возрождения у древних и было официально освящено в XIX в. Однако современная Бельгия составляет лишь часть первоначальной Бельгии, простиравшейся от берегов Рейна до подступов к берегам Сены. Некоторые из населявших ее некогда народов исчезли, другие же — резко изменились благодаря смешению. Тем не менее, несмотря на разделяющие их 20 столетий, обе эти страны обладают поразительным сходством в одном отношении. Подобно тому как в наши дни фламандцы германской языковой ветви и валлоны романской языковой ветви постоянно сталкиваются в области, лежащей между морем и Арденнами, точно так же еще до римского завоевания здесь сталкивался арьергард кельтов с авангардом германцев.

С самого начала существования Фландрского графства и вплоть до его больших войн с Францией в нем было столько же жителей романской расы, сколько и германской, и Фландрия не в меньшей мере, чем Лотарингия, заслуживала прозвания двуязычной. Слова «Фландрия» и «фламандец» долгое время не имели этнографического значения,

а обозначали только название областей и людей, подчиненных власти преемников Балдуина Первого. Границами этой территории были на севере Звин, а на юге Канш, и валлон из Арраса, и фламандец из Гента и Брюгге одинаково считались фламандцами. Словом, в начале X в. Фландрия, населенная двумя различными, но почти равными по количеству народами, чрезвычайно походила на современную Бельгию. Впрочем, отсутствие однородного национального состава нисколько не ослабило ее политического могущества. На другом же конце Бельгии центром экономической деятельности было преимущественно морское побережье. С X по XI в. завязались очень оживленные сношения между обоими берегами Северного моря. Фламандские, валлонские, германские, фрисландские и англосаксонские купцы встречались в Брюгге, выросшем в глубине Звинского залива.

Брюгге вместе с небольшими портами стал главным рынком сбыта для товаров, отправлявшихся в Нидерланды из Италии и Центральной Европы. Здесь грузились для Англии французские вина, прибывшие по Шельде, и немецкие, прибывшие по Рейну, камень, добывавшийся в каменоломнях Турнэ, привезенные ломбардцами пряности и шитые золотом ткани и, наконец, изготавливавшиеся в самой Фландрии льняные и шерстяные ткани».

«Любопытно, что по мере того как Брюгге становился великим рынком Запада, он утрачивал свой торговый флот. Чем многочисленнее становились иностранные суда в его порту, тем реже были здесь фландрийские суда. Брюггские моряки занимались каботажным плаванием, а также рыбной ловлей, но в дальнем плавании принимали лишь ничтожное участие. Во Фландрии XIII в., как и в современной Бельгии, роль торговли нисколько не соответствовала морскому значению страны, и не Лондон или Гамбург, а Антверпен напоминает в наши дни то, чем был Брюгге 600 лет тому назад.

Здесь рядом с французскими винами и английской шерстью, являвшимися раньше основными статьями крупной торговли, были товары с севера и юга. Со Средиземного моря прибывали в огромных количествах пряности, цветное дерево, изделия восточной промышленности, ганзейские корабли привозили из Германии, России и Швеции хлеб, строительный лес, копченую рыбу, меха и металлы

(в конце XIII в. в одной грамоте, составленной для купцов, упоминается более 30 стран, как христианских, так и мусульманских, «из которых прибывают в Брюгге товары», и заключается, что «ни одну страну нельзя сравнивать по богатству товаров с Фландрией»). Однако в это время брюггская торговля не достигла еще своего расцвета. Только в начале следующего века, когда регулярные рейсы связжут Эвинский порт с Генуей и Венецией», она достигнет своего апогея.

Своим поразительным благосостоянием Брюгге был обязан не только своему географическому положению. Этому в значительной мере содействовали и графы фландрские. Если от Балдуина и до Карла Доброго они употребили все свои силы для установления порядка и мира в стране, если при Теодорихе и Филиппе Эльзасских они выступали в качестве защитников горожан, то начиная с Балдуина IX они постоянно заботились о развитии торговых сношений с чужими странами. По сравнению с политикой современных им государей их собственная политика носила явно либеральный характер. Они отлично понимали специфические условия, в которых находилась их страна. Вместо того чтобы эксплуатировать торговлю с иностранцами, обременять ее тяжелыми пошлинами, подвергать ее строгому фискальному надзору, они, наоборот, устраняли все препятствия, которые могли бы мешать ее свободному развитию. Вместо того чтобы упорствовать в защите фландрийского судоходства от иностранной конкуренции и тщетно пытаться сохранить за ним монополию транспорта, они поняли, что их интересы повелительно предписывают им содействовать превращению Брюгге в международный порт. Если в XII в. они пытались получить для своих подданных торговые привилегии за границей, то затем они стали привлекать иностранцев к себе.

В XII и XIII вв. Бельгия продолжала быть, как и в XI в., посредницей между романской и германской культурами, делившими между собою ее территорию и перемешавшимися здесь. Эта посредническая роль Бельгии началась сразу

же вместе с первым поэтом, о котором упоминает история нидерландской литературы, Гендриком ван Вельдеке. Подобно Конону Бетюнскому или Вольфраму фон Эшенбаху, Вельдеке был рыцарем — редкий случай среди фламандских писателей. В отличие от Эшенбаха, который не умел ни читать, ни писать, Вельдеке получил образование, научился латинскому и французскому языкам, принадлежал к классу просвещенных дворян. Он был также переводчиком. Его произведения имели колоссальный успех. Вельдеке ввел во фламандскую литературу придворную поэзию, оказавшую на нее глубокое влияние».

(., 1962. — . 2. . 774.) : «Брюгге — город в Бельгии, административный центр провинции Западная Фландрия. 52,5 тысячи жителей (1958 г.), а сейчас свыше 100 тысяч. Брюгге, впервые упоминающийся в VII и IX вв. — как Бург графов фландрийских (с конца XI в. — их резиденция), возник как средневековый город в X в. В XI–XIII вв. Брюгге, расположенный на заливе Северного моря Звин, на скрещении важных сухопутных и морских путей, стал одним из крупнейших в Европе центров цехового ремесла (сукноделие на английской шерсти) и международной торговли. В XIII в. возглавлял так называемую Лондонскую ганзу фландрийских купцов. С середины XIII–XIV вв. торговля Брюгге перешла в руки иностранных (английских, немецких — ганзейских и др.) купцов, превративших его в свой складочный пункт (фактория в Брюгге была самой крупной торговой факторией Ганзы). В XIII–XV вв. Брюгге был также (наряду с Фландрией) общеевропейским центром международных кредитных операций. В XII в. и особенно в XIII–XIV вв. принимал самое активное участие в острой политической борьбе, происходившей во Фландрии, оказывая часто решающее влияние на ее исход («Брюггская заутреня», 1302 г.; участие цехов Брюгге в битве при Куртре, 1302 г.). Эта борьба тесно переплеталась с борьбой цехов с патрициатом (который с середины XIII в. после освобождения Брюгге от графской опеки сосредоточил в своих руках городское управление). В 1302 г. цехи одержали решительную победу, но ожесто-

ченная борьба продолжалась весь XIV в. (руководящее участие Брюгге во фландрском восстании 1323–1328 гг.) и окончилась поражением цехов. С началом развития во Фландрии капиталистических отношений (с XV в.) Брюгге, сохранивший в основном феодальные формы производства и торговли, потерял прежнее значение: производство сукон пришло в упадок в связи с конкуренцией внецехового ремесла (с которыми цехи Брюгге вели ожесточенную борьбу) и английской суконной промышленности; значение важнейшего торгового центра перешло в XVI в. к Антверпену (сыграло роль и начавшееся с середины XV в. обмеление залива Звин).

Брюгге — город-музей, сохранивший свой средневековый облик. Его главные достопримечательности: готические церкви XIII–XV вв., ратуша (1376–1421 гг.), «Суконные ряды» (1284–1364 гг.). «Брюггская заутреня» (1302 г.) — восстание ремесленников фландрийского г. Брюгге против французов, подчинивших Фландрию (1300 г.), и против городского патрициата, использовавшего поддержку французских завоевателей для упрочения своей власти в городе. 16 мая в Брюгге, в котором не прекращались волнения (их возглавлял ткач П. Конинк), вступил наместник французского короля Шатильон с отрядом. Наиболее радикально настроенные горожане бежали. Однако в ночь на 18 мая 1302 года они, вырезав французских часовых, вернулись в город; лозунг «Щит и друг» стал сигналом для истребления французов и городских патрициев. «Брюггская заутреня» положила начало всеобщему восстанию фландрийских городов, окончившемуся их временной победой (битва при Куртре, 1302). Термин «Большая заутреня» введен историками (по аналогии с «Сицилийской вечерней»); в источниках это событие называется «брюггской пятницей».

«Разумеется, когда-то Брюгге был большим портом! Но разве можно воскресить порты? Можно ли приручить море или заставить его вернуться к тому, что оно покинуло? Разве можно восстановить дороги, стершиеся на волнах?.. Он представил. В виде противоположности, сколько славы — в участи музея искусства, во всем, что было лучшей судьбою Брюгге. Его слава отсюда создавалась. Художники, археологи, аристократы духа начали бы стекаться отовсюду. Сколько справедливого презрения и сколько смеха вызвало бы у всех известие, что город упал с высоты своих грез и что он отрекся от мечты — стать городом идеала, то есть чем-то исключительным, чтобы отдаться этому заурядному и посредственному тщеславию — сделаться портом... Следовало бы купить и собрать все картины ранних фламандских художников, которые можно было бы тогда увидеть только в Брюгге... Брюгге, таким образом, сделался бы целью паломничества для избранного человечества. Сюда стекались бы несколько раз в году, отовсюду, со всех концов вселенной, как на священную могилу, гробницу искусства».

XIV-XV .
XV

,
-

,
-

.

(
),

,

.

«

, ».

,

.

,

XIV-XVI .,

(
)

«

»

« »

1959 «

»

«
»
1966
.
VIII
1935
. (
20
«
»
XXI
2008
«
»
XVI

V,

-
.

,

, ,

: «

?»

-
-

.

.

,

,

,

,

,

,

?

-

40-

,

-

,

,

,

,

-

.

,

1931 :

«Сердечно благодарю город Брюгге, благодарю Международный союз моего Пакта. Мне драгоценно сознавать, что медаль выбита во имя мира всего мира. Без этого желанного мира в конце концов эволюция человечества станет невозможной. Мне драгоценно, что медаль выбита в Бельгии и дана в Брюгге, с которыми у меня связаны глубокие воспоминания... Освящение Знамени нашего не случайно должно было произойти в соборе Св. Крови, во имя всей Мученической Крови, пролитой за Прекрасную Истину. Где объединяется столько высоких символов, там возникает истинная твердыня.

Помню, как в молодости первое поминание о Брюгге пришло мне от Вилле, звавшего скорей посетить Брюгге, до реставрации. Мы никогда не забудем посещений Брюгге. И колокола, которых нигде не услышишь; картины как бы на местах их творения; улицы, хранящие следы великих слов Прекрасного; стук деревянных сабо по камням мосто-

вой; наконец, столетняя кружевница, манящая в каморку, чтобы показать свое рукоделие. Сколько чудесного и в великом и в малом! И когда писалась опера «Принцесса Мален», то именно карильон Брюггских колоколов лег в основу вступительной темы. Посвящена была эта музыка мне как выразителю образов Метерлинка и обожателю старого Брюгге. Ведь во имя Бельгии, во имя Брюгге я заклинал войну первого марта 1914 года картиною моею «Зарево». Сейчас облики Мален и Брюгге в моих картинах живут в шести странах. В Риксмусеуме Стокгольма, в Атенеуме Гельсингфорса, в Москве, в Киеве, в Париже, в Польше, в нью-йоркском нашем Музее, в Бостоне, в Чикаго и в далекой Небраске, в Омахе «Башня Принцессы Мален». Перечисляю, что помню, с двоякою целью. Первое, Комитет наш должен знать, где посланники мои, о Бельгии, о Брюгге, о «Принцессе Мален», о «Сестре Беатрисе». И сам я, вспоминая их, тку новую сердечную связь с Брюгге, с драгоценною Каплей Крови, творящей и оживляющей. Второе, каждый перечень многих стран нам напоминает о нашей ближайшей обязанности в отношении Знамени Мира.

Не только признать и обобщиться мыслью Знамени Мира должны мы. Мы ведь освятили Знамя на Святой Крови и тем поклялись вводить его в жизнь повсеместно, всеми силами. Ведь не тщетно будут искать Знамя Мира над хранилищами истинных сокровищ все те, которые во всех концах мира поверили нам и наполнили пространство сердечными желаниями. Каждый день приходят новые письма, новые отзывы. Избирательная урна «За Мир» наполняется ценными знаками.

А ведь мир и культура сейчас так особенно нужны. Все, что мы все делаем, и есть служение Культуре, человечеству и тем самым миру всего Мира. Поучительно видеть, какие именно новые и неожиданные элементы вовлекаются этими манифестациями в орбиту мышления о Культуре. Поистине многие из вновь заговоривших о Культуре без импульса деятельности нашей и не заговорили бы о великом начале, не нашли бы времени помыслить о нем, заваленные массою обиходных дел и житейских сообра-

жений. Пусть даже ненадолго некоторые из них обратят мысли свои к Культуре, но все же, хотя бы временно, они помыслят о ней и тем приобщатся к сообществу строителей жизни. Драгоценно, что действия о Знамени Мира, о Культуре не только не застывают, но приносят самые новые и неожиданные следствия. Дело Знамени Мира настолько разрастается, что всякое злобное противоречие с каждым месяцем становится все более неуместным, все легче отвергаемым.

В каждой правильной деятельности всегда приходит такой момент ее развития, когда она до известной степени становится как бы самостоятельной, уже вне человеческих рамок и возможностей. Будем надеяться, что наш проект обновленной культурной и мировой работы уже приходит в то состояние, когда жизненность его становится очевидной. Всем друзьям нашим в такой фазе развития проекта работа будет становиться легче и приятнее, ибо явится возможность постоянного благотворного посева, не затрачивая ценных сил на ненужные трения. Во имя этой устремленной и благой работы можем поистине приветствовать друг друга.

Пусть Знамя Мира, может быть, еще не развеивается над всеми хранилищами творчества. Иду дальше, пусть оно временно пребудет внутри этих Учреждений; физическое его место не так уж сейчас безусловно; важно, чтобы росло и укреплялось его духовное значение. А для укрепления этого духовного значения и понимания каждый может действовать по-своему в своей сфере. Мы опять приходим к идее бесконечной цепи, когда каждый, приобщившийся к благой идее, берет на себя приобщить к ней хотя бы семерых друзей своих, и, таким образом, это моление о Культуре и Мире в быстро нарастающей прогрессии безудержно входит в жизнь. Нужно не столько еще один закон, сколько еще одно повелительное желание, одна народная воля всемирно охранить светочи человечества.

Таким образом, перед нами сейчас ближайшая двоякая задача. С одной стороны, насаждая всюду Знамя Мира, мы будем, способствуя миру, вообще уменьшать само фи-

зическое поле войны. С другой стороны, вводя в школах день Культуры, мы, также внушая задачи мирного строительства, будем возвышать и утончать сознание молодых поколений, утверждая его высокими примерами человеческого творчества. Для дела, полезного Миру и Культуре, вовсе не надо ждать всемирного признания. Начало общего Блага и Красоты творится во всяком размере, сохраняя свой животворный потенциал.

Прилагаю мое воззвание, которое по постановлению нашего Комитета в Нью-Йорке будет 27 сего декабря прочтено во всех храмах. Не сомневаюсь, что собор Св. Крови и другие славные храмы Бельгии присоединятся к этому благовому пожеланию нашего Комитета. Поистине хотелось бы признательно сердечно напутствовать всех наших сотрудников: «Каждый посылно в своих возможностях без промедлений и откладываний – в добрый путь!» Еще раз сердечно благодарю героическую Бельгию и славный город Брюгге за высококультурное выступление на Благо Человечества».

XVI

«Музей не только изобличает материальное разобщение человека с искусством, которым явно грешит наша эпоха, но и свидетельствует о некоем новом возникающем отношении, зиждущемся на новых человеческих способностях. Утерев соприкосновение с вещью искусства, мы приобрели способность так остро, как еще никогда, реагировать на художественные абстракции. Не наши все эти бесчисленные картины в бесконечных музеях и галереях, усеявших просвещенную Европу, но они живут какой-то глубоко внедрившейся в наше сознание жизнью. Физическое удаление от них возмещается нашей многократно возросшей душевной впечатлительностью. Удастся ли нам проникнуть в эту сокровенную область творчества? Теснимые материалистическим адом нашей эпохи в рай чистых абстракций, мы можем быть лучше подготовлены теперь, чем когда-либо, чтобы понять знаки населяющих ее образов. Творческое воображение старых мастеров, быть может, постигаем мы слишком по-своему нашим болезненным, обостренным, замкнувшимся от действительности воображением. Но во всяком случае, именно оно и ничто другое производит то необходимое вмешательство в нашу жизнь, то прямое воздействие на нас, вне которого бессмысленно и ничтожно всякое «занятие искусством». Концепция художественного творчества является ныне очередным искусом для критических догадок. К моменту возникновения картины направляется теперь наша критическая пронциательность. За фактом искусства мы стремимся увидеть породившую его эстетическую идею, художественная феноменология должна уступить место художественной идеологии. Какие-то

точки, вокруг которых возникает и складывается концепция художественного произведения, существуют в каждой картине. Быть может, ради одной развеваемой ветром пряди золотых волос написано «Рождение Венеры» и ради цветка в стеклянном сосуде написал весь свой алтарный образ в Перуджском соборе Лука Синьерелли, как всю пестроту «Боярыни Морозовой» воссоздал, по собственному признанию, Суриков ради однажды увиденной им на снегу черной вороны. Мы не ощущаем осязательности человеческой фигуры с той полнотой, с какой ее ощущал Микеланджело, и не чувствуем вещественности яблока так, как чувствовал ее Сезанн. Картины Микеланджело и картины Сезанна поднимают все наше существо на высшую ступень ощущений формы и вещества и тем повышают в нас ощущение самой жизни. Они как бы вливают в нас волны могучей жизненной энергии.

Тайна захватывающего очарования, которым полны для нас верные формальные решения всякой живописи, всякого искусства, объясняется тем, что произведения такого рода поднимают нас на иную, высшую ступень мироощущения, простирая произрастание картины из первоначального ее таинственного зерна, не приобщаемся ли сами к этому божественному процессу. Почувствовать, как из пятен сырости на стене возникает пейзаж «Джоконды» и как является в этом пейзаже улыбка Моны Лизы — не значит ли вместить в себя все то богатство мира, которое заключено между этими моментами, не значит ли последовать за самим Леонардо на всех головокружительных путях его творческого воображения! История искусства, художественная критика в таком представлении весьма далеки от тех скромных задач, какие может ставить себе «одна из отраслей» всестороннего образования. Она не делает нас сведущее, но делает нас лучше. Как древняя атлетика, служит она человеческому совершенству, и бесчисленные музеи, созданные ею, могут быть понимаемы как место высокого упражнения, как тихая наша палестра. На пути к нашей Олимпиаде ставим мы статуи победителей в великих эстетических играх».

(1891– 1967) : «Маленькие музеи сонного пустого Брюгге стали для меня начальной школой искусства... Не знаю, в чем объяснение — в крепости традиций или в особенности пейзажа Фландрии, точнее ее света, но бельгийцы — прекрасные живописцы... Искусство прошлого не только раскрывает нам глаза, оно раскрывается от жара наших глаз. Любовь потомков — вот неутомимый реставратор, который расчищает пожухшие холсты, возвращает им первоначальное сияние».

«В памяти у таких людей постепенно складывается своя собственная география: места, с которыми они сроднились, сближаются между собою, навешиваются друг на друга, словно звенья одной цепи, тогда как другие, соседствующие на карте, становятся друг другу чужими, словно принадлежат разным эпохам и странам. По-новому располагается мир: теперь он меньше, обозримее, индивидуальнее. Возвращаются из Лондона и вспоминают Паоло Учелло, чудесное геральдическое видение, турнир в серебре с чернью; Флоренция напоминает о Гуго ван дер Гоэсе, таинственном нидерландце, а Ospedale со своею Святою Марией мигом переходит в те белые подворья бегинок, которые делают Брюгге столь незабвенным. И вспоминается Брюгге. Пустынные улицы, тихие изгибы мостов над глубокими отражениями спящих предметов, ведущие к другим пустынным улицам. И это уже Венеция со своим золотисто-сумрачным воздухом, Венеция в свой «тициановский час». Так движется воспоминание, его отливы, его приливы, из которых постепенно поднимается

новая земля, новая жизнь, особенный мир молодого человека, повидавшего все это.

Говоря словами Метерлинка: «Развитие действия не обязательно для того, чтобы пьеса вдохновляла нас. Хватит и загадки...» И в этом смысле художник, кажется, еще выше мудреца. Пока тот пытается разгадать загадку, на художника возлагается куда более трудная задача, или, если хотите, ему дается куда большая власть. Художнику подобает загадку любить. Это и есть искусство: любовь, излитая на загадки; в этом все художественные произведения: загадки, окруженные, украшенные, осыпанные любовью...

Другие не желают оставить утраченную природу, идут за ней следом и теперь пытаются, сознательно напрягая всю свою волю, сблизиться с ней, как они, сами того не зная, сближались с ней в детстве. Очевидно, что эти последние — художники: поэты или живописцы, композиторы или зодчие, одинокие по сути своей, те, кто, обращаясь к природе, предпочитает вечное преходящему, глубинные закономерности — беглым обоснованиям, те, кто — раз уж природу не убедишь принять в них участие — видит свою задачу в том, чтобы, постигая природу, самим где-нибудь включиться в ее великие соответствия. И вместе с этими обособленными одиночками все человечество приближается к природе. Не последняя и, может быть, своеобразнейшая ценность искусства в том, что оно позволяет человеку и пейзажу, облику и миру встретиться и найти друг друга. В действительности они соседствуют, но едва ли знакомы между собою, — и в картине, в здании, в симфонии, одним словом, в искусстве, как в высшей пророческой истине, они словно смыкаются, перекликаясь, дополняя друг друга и образуя то совершенное единство, которое составляет сущность художественного произведения».

-
-

, , ( ), -
 , « ».
 - ( ), -
 , , -
 .

36, 6 ( ).

XV .,

XV .,

« »

... , « ».

« », .

,

, I

(1950- 1993). ,

,

-

,

-

,

-

,

-

,

-

« - » ,

-

,

-

toast cannibale, steak tartare f let

-

.

,

-

-

.

(dover sole),

-

.

,

.

-

-

(paling in 't groen),

-

18 , Flemish stew,

.

• • • • •

Westvleteren

Westvleteren 12

100

:

«Нос чувствует оттенки запаха голубого сыра, дерева и трав. Позднее чувствуется вкус чернослива, шоколада и бисквитной карамели. После этого появляются оттенки портвейна и мадеры и еще больше шоколада...»

«

»

«

»

2005

Westvleteren

Westvleteren

12

Trappist Westvleteren

Blond 5,8

8

«

»,

«

»,

—«

».

«Trappist»

Trappist Westvleteren

VIII, 1535

»:

«

?».

( )

XVI .

300

400

1935

XVIII .,

я по белу свету, славя все доброе и прекрасное, а над глупостью хохочу до упаду».

1895

« »
 « ». -
 -
 , ,
 . -
 , , , -
 , , . -
 : « -
 , -
 , ». -
 : , -
 , ,
 .

1867

« ,
 , ,
 ». -
 (-
).
 , -
 . -
 , -
 ,
 . (-
 « »
 .)

1917

22

И если не певцу, кому ж еще
 Рассказывать о радости минувшей
 И к радости грядущей призывать?
 Пока плывет над этой мостовой
 Тяжелое просоленное солнце,
 Пока вода прохладна по утрам,
 И кровь свежа, и птицы не умолкли —
 Тиль Уленипигель бродит по земле.

Я не запомнил — на каком ночлеге
Пробрал меня грядущей жизни зуд.
Качнулся мир.
Звезда споткнулась в беге
И заплескалась в голубом тазу...

***

Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыталась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу...

***

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.
Боевые лошади
Уносили нас,
Убивали нас...

(,
« » .)

*Романтика! Я подружился с тобой,
Когда с пожелтевших страниц Вальтер Скотта
Ты мимо окна пролетала совой,
Ты вызвала криком меня за ворота!*

Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный ветер в сердце закипал,
И в свисте пуль, за лентой пулеметной
Я вдохновенно Пушкина читал!
...Цветет весна — и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив.

62

Перо не по нраву,
 Кирка — не по чести
 И слава — не в славу:
 Мы ржавые листья
 На ржавых дубах...
 Чуть ветер,
 Чуть север —
 И мы облетаем.
 Чей путь мы собою теперь устилаем?
 Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
 Потопчут ли нас трубачи молодые?
 Взойдут ли над нами созвездья чужие?

Куда нам пойти? Наша воля горька!
 Где ты запоешь?
 Где я рифмой раскинусь?
 Наш рокот, наш посвист распродан с лотка...
 Как хочешь —
 Распивочно или на вынос?
 Мы пойманы оба,
 Мы оба — в сетях!

»,

:

Оглянешься — а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», — солги.
Но если он скажет: «Убей», — убей...
Все друга и недруга стерегло...
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.

1929

5

1937-

39

Мы навек воинов приобрели,
Терпенье и меткость глаз,
Умение хитрить, умение молчать,
Умение смотреть в глаза.

1933

Книжку мою
Возьмет из мешка;
Прочтет стишок,
Оторвет листок,
Скинет пояс —
И под кусток.
Чего же мне надо!
Мгновенье, стой!
Да здоровствует гидрогаф
Читатель мой!

, , , ».
 -
 , , ,
 , -
 , .
 : « -
 , ,
 , , , ,
 , , , ,
 , ».
 -

Меня еда арканом окружила,
 Она встает эпической угрозой,
 И круг ее неразрушим и страшен,
 Испарина подернула ее...
 И в этот день в Одессе на базаре
 Я заблудился в грудах помидоров,
 Я средь арбузов не нашел дороги,
 Черешни завели меня в тупик,
 Меня стена творожная обстала,
 Стекая сывороткой на булжжник,
 И ноздреватые обрывы сыра...
 А день весенний ясен,
 Свист ласточек сливается с ворчаньем
 Кастрюль и чашек на плите; мурлычет,
 Облизываясь, кошка, осторожно
 Под стульями подкрадываясь к месту,
 Где незамеченным лежит кусок
 Говядины, покрытый легким жиром.
 О царство кухни! Кто не восхвалял
 Твой синий чад над жарящимся мясом,
 Твой легкий пар над супом золотым?
 Петух, которого, быть может, завтра
 Зарежет повар, распевает хрипло
 Веселый гимн прекрасному искусству,
 Труднейшему и благодатному...

Я в этот день по улице иду,
На крыши глядя и стихи читая, —
В глазах рябит от солнца, и кружится
Беспутная, хмельная голова.
И, синий чад вдыхая, вспоминаю
О том бродяге, что, как я, быть может,
По улицам Антверпена бродил...
Умевший все и ничего не знавший,
Без шпаги — рыцарь, пахарь — без сохи,
Быть может, он, как я, вдыхал умильно
Веселый чад, плывущий из корчмы;
Быть может, и его, как и меня,
Дразнил копченый окорок — и жадно
Густую он проглатывал слюну.
А день весенний сладок был и ясен,
И ветер материнскою ладонью
Растрепанные кудри развевал.
И, прислонясь к дверному косяку,
Веселый странник, он, как я, быть может,
Невнятно напевая, сочинял
Слова еще не выдуманной песни...
Что из того? Пускай моим уделом
Бродяжничество будет и беспутство,
Пускай голодным я стою у кухонь,
Вдыхая запах пиршества чужого,
Пускай истреплется моя одежда,
И сапоги о камни разобьются,
И песни разучусь я сочинять...
Что из того? Мне хочется иного...
Пусть, как и тот бродяга, я пройду
По всей стране, и пусть у двери каждой
Я жаворонком засвищу — и тотчас
В ответ услышу песню петуха!
Певец без лютни, воин без оружия,
Я встречу дни, как чаши, до краев
Наполненные молоком и медом...
Я одинок. Одесское, густое,
Большое солнце надо мною встало,

Вгоняя в землю, в травы и телеги
Колющие отвесные лучи.
И я свищу в отчаянье, и песня
В три россыпи и в два удара вьется
Бездомным жаворонком над толпой.
И вдруг петух, неистовый и звонкий,
Мне отвечает из-за груды пищи,
Петух — неисправимый горлопан,
Орущий в дни восстаний и сражений.
Оглядываюсь — это он, конечно,
Мой старый друг, мой Ламме, мой товарищ,
Он здесь, он выведет меня отсюда
К моим давно потерянным друзьям!

Он толще всех, он больше всех потеет;
Промокла полосатая рубаша,
И брюхо, выпирающее грозно,
Кольшется над пыльной мостовой.
Его лицо багровое, как солнце,
Расцвечено румянами духовки,
И молодость древнейшая играет
На неумело выбритых щеках.
Мой старый друг, мой неуклюжий Ламме,
Ты так же толст и так же беззаботен,
И тот же подбородок четверной
Твое лицо, как прежде, украшает...
Как Дон Кихот, бессилен и ушат.
Я говорю, я жалуюсь. А Ламме
Качает головой, выламывает
Клешни у рака, чмокает губами,
Прихлебывает пиво и глядит
В окно, где проплывает по стеклу
Одесское просоленное солнце,
И ветер с моря подымает мусор
И столбики кружит по мостовой.
Все выпито, все съедено. На блюде
Лежит опустошенная броня
И кардинальская тиара рака...

*И вдруг за дверью раздается свист
И россыпь жаворонка полевого.
И Ламме опрокидывает стол,
Вытягивает шею — и протяжно
Выкрикивает песню петуха...*

*Я слишком слаб, чтоб латы боевые
Иль медный шлем надеть! Но я пройду
По всей стране свободным менестрелем.
Я у дверей харчевни запою
О Фландрии и о Брабанте милом.
Я мышью остроглазою пролезу
В испанский лагерь, ветерком провею
Там, где и мыши хитрой не пролезть.
Веселые я выдумую песни
В насмешку над испанцами, и каждый
Фламандец будет знать их наизусть.
Свинью я на заборе нарисую
И пса ободранного, а внизу
Я напишу: «Вот наш король и Альба».
Я проберусь шутком к фламандским графам,
И в час, когда приходит пир к концу,
И погасают уголья в камине,
И кубки опрокинуты, я тихо,
Перебирая струны, запою:
Вы, чьим мечом прославлен Гравелин,
Вы, добрые владельцы поместий,
Где зреет розовый ячмень, зачем
Вы покорились мерзкому испанцу?
Настало время, и труба пропела,
От сытной пищи разжирили кони,
И дедовские боевые седла
Покрылись паутиной вековой.
И ваш садовник на шесте скрипучем
Взамен скворешни выставил шелом,*

*И в нем теперь скворцы птенцов выводят,
Прославленным мечом на кухне рубят
Дрова и колья, и копьем походным
Подперли стену у свиного хлева!
Так я пройду по Фландрии родной
С убогой лютней, с кистью живописца
И в остроухом колпаке шута.
Когда ж увижу я, что семена
Взросли, и колос влагою наполнен,
И жатва близко, и над тучной нивой
Дни равноденственные протекли,
Я лютню разобью об острый камень,
Я о колено кисть переломаю,
Я отшвырну свой шутовской колпак,
И впереди несущих гибель толп
Воздем я встану. И пойдут фламандцы
За Тилем Уленипигелем вперед!
И вот с костра я собираю пепел*

*Отца, и этот прах непримиренный
Я в ладанку зашью и на шнурке
Себе на грудь повешу! И когда
Хотя б на миг я позабуду долг
И увлекусь любовью или пьянством,
Или усталость овладеет мной —
Пусть пепел Клааса ударит в сердце —
И силой новою я преисполнюсь,
И новым пламенем воспламенюсь.
Живое сердце застучит грозней
В ответ удару мертвенного пепла...
Когда ж усталость овладеет мною
И я засну крепчайшим смертным сном,
Пусть на могильном камне нарисуют
Мой герб: тяжелый ясеновый посох —
Над птицей и широкополой шляпой.
И пусть напишут: «Здесь лежит спокойно
Веселый странник, плакать не умевший».*

*Прохожий! Если дороги тебе
Природа, ветер, песни и свобода,
Скажи ему: «Спокойно спи, товарищ,
Довольно пел ты, выпаться пора!..»*

! , . -
,
1926 .

*Звонят колокола, святые в каждом доме.
Кто верит, кто монах — и здесь различья нет!
Тут каждый дом живет служением Мадонне.*

1815 .

Брюгге

*...Прекрасный, знаменитый в старину город
Несет бремя забвения, но сохраняет свои монументы.
Храмы поднимают в высоту свои
аристократические главы,
Каналы рассекают плодородные поля,
Широкие улицы и площади сочетаются с красиво-
бесполезными
И такими же древними многочисленными двориками
и проулками.*

*Время здесь не совершило ошибки и не использовало
Свою варварскую привычку к разрушению.
Город сохранился в те сатанинские дни,
Когда в пьяном освобождении от всех ограничений
Злоба триумфально овладела столькими умами.*

*Не боясь шрамов в окружении неистовой злобы,
Город твердо стоит, не склоняясь,
                        как наши первые короли,
И прекрасное старое время проступает в его облике.
А покровительствующие звезды могут дать ему
То, что недоступно для человека, — вторую весну.*

Когда бы я мог читать прошлого грезы
И следовать путями чести прославленных вождей,
Прекрасных дам, серьезных граждан и храбрых воинов,
Если бы мог представить аристократический город,
Который выглядит как декорация для праздника,
Я сразу вспомнил бы тебя, прекрасный Брюгге.

*Окружающий город ландшафт не менее хорош,
Как тогда, когда он медленно проплывает
мимо палубы,
Так и при взгляде с Белфрей высоты,
Когда безграничный простор встречает небеса
И гладкая вода гордо течет,
А в перспективе уже не видно деревьев вдоль дорог.
На земле нет более счастливого ландшафта
С садами и фруктовыми деревьями вокруг,
Где сочная зелень обрамляет белизну домов.
(Тема, любимая для фламандского художника.)
А трепещущие ветви маленьких деревьев,
Окрашивают серым землю и ивы у воды.*

Эта фламандская сцена очаровывает меня,
Успокаивает и покоряет отзывчивое сердце.
Здесь на уровне спящего моря бьют
Ручьи естественной красоты совершенного
искусства
И нечто большее, чем наслаждение, заполняет грудь
При виде освященной свыше целенаправленной
работы...

*Я видел Брюгге, одетый западным золотым светом,
Как в тунику правителя.
Затем блеск перешел в закатный час,
Медленно прокладываящий дорогу мирной ночи
И украшенный отражением угасающего очарования,
А в итоге дарящий взгляду
Прелесть, волшебство и теневое дуновение,
Которые сохранились здесь для защиты
Против ударов времени, плевков судьбы
И разрушительных штормов будущей войны...*

* * *

Брюгге

*Дух старины здесь увековечен
В богатых зданиях, воспетых в сладкой песне,
В картине, говорящей на языке героев,
А также в как бы созданных для созерцания
Обветренных и воображаемых горных вершинах красоты.
Отсюда и формы, парящие с лебединой легкостью,
Отсюда стремление, даже среди вульгарной толпы,
Только к гармонической честности,
Как если бы улицы были священным местом,
А весь город одним великим храмом, посвященным
Взаимному уважению мысли и хроник,
А также лени, первородной расслабленности
И освобождению от гнетущих забот.
О высочайший покой, который не найти и в пустыне!*

1891- :

*Я взбирался в Брюгге по лестницам наверх
Белфорда, сделанного из старого камня,
На расстоянии три мили я видел
завихрения восточного ветра.*

*Земля была серой, а небеса белыми.
Я стоял на такой высоте,
Что чувствовал животом холод колокола.*

:

Города

*О эти города, напитанные ядом гнилого золота!
О каменные вопли, взлеты и жесты дыма,
И купола, и башни, и колонны
В звенящем воздухе средь кипени труда...*

*Ты возлюбил ли ужас и тоску их,
Странник,
Печальный и задумчивый,
На огненных вокзалах, что опоясали вселенную?*

О вихрь колес сквозь горы и пространство!

*Набат глухой и тайный, что лихорадил душу твою, —
Он в городах гудел по вечерам; их пламя
Неисчислимое и красное твой озаряло лоб,
Их черный лай, и мстительные крики, и улюлюканье
охоты*

*Были лаем, криком и травлей твоей души;
Все существо твое глубоко искажалось их
Богохульствами,
И воля твоя была добычей их потока:
Вы ненавидели друг друга, обожая.*

*О взлеты их, кощунства, преступления,
Вонзенные, как в спину нож, закону!
Сердца колоколов и лоб их колоколен
Забыли их жертв число;
Чудовищные их нагроможденья заслоняют небо;
Ужас века сосредоточен в них;
Но их душа таит тот вечный миг,*

Что в неисчетных днях собою метит время.
История была плодотворима
Из века в век приливом их идей;
Их мозг и кровь питались новой кровью,
Что в старый мир вливается надеждой
И гением.

Они калят дерзання, причащают
Пространства и колдуют горизонты,
Их притяжения вникают в дух, как яд;
И каждый вознесенный над другими —
Ученый, иль апостол, иль поэт —
Несет свой пламенник в пыланье их пожаров.
Они в неведомое строят лестницы
Для восхожденья дерзостных исканий,
Светлыми ногами топчут ложь, что приковала цепью
Мир к человеку, человека к Богу.
Видали ль ночью вы короны их огней
И храмы из стекла и золота, откуда
Чудовищные взгляды одетых медью стекол
Устремлены к созвездьям сивиллинским?
В кварталах молчаливых посещали ль
Лаборатории, в которых неотступно
От вывода до вывода, от связи и до связи
Сквозь бесконечности преследует ученый
Мельчайший трепет жизни?

Тот человек, что судит, мыслит, волит,
Ими весит и мерит сам себя.
Все тайны, все загадки мира
Им служат ставкой уже целый век
В борьбе великой с судьбами.
О ярость знаний и осторожность схваток!
Загадка здесь — ее следят, и травят,
И настигают, как зверя свирепого,
Чтоб уловить мгновенье, когда
Ее глаза, раскрытые внезапно, разорвут
Покровы тьмы и истину откроют.

Тогда пусть ветры, волны, и небеса, и звезды,
И тяжкие мосты, что давят глыбы устоев каменных,
Базальты порта, городские стены
Трепещут на четыре стороны пространства,
Они не потрясутся столь полной радостью,
Как страстный дух искателя
Над новой победой.
Нечто в мире внезапно изменилось
Этим взрывом света из темноты;
И все равно прославят или ославят гений того,
Кто выломал враждебные ворота,
Что защищали тайну, —
Сила его поглощена великой силой городов:
Их бытие еще полнее ею.

Так те, что мыслят, будущему мира
От времени до времени несут ярь мозга своего:
А между тем встают еще иные,
Те, что горят с толпой и для толпы.
Подвижники и мученики грезы,
Они провидят ее идущей по садам мучений
И крови — к светлому свершению времен,
Когда дух справедливости проникнет в человека.
Ложь издала законы — тексты черных истин:
Их надо грызть всечасно,
Ожидая, пока не сломят их тараны мятежа;
А если надо кровавых удобрений для светлых всходов,
Если нужен великий гнев для полноты любви,
Если надо исступление для сердца рабьего —
То гулы набатов черных взмоют города
Рыкающим приливом вокруг новых прав.

Там, наверху, в кварталах старых, в тусклых залах,
Где светы газа безграничат жесты,
А голоса, и кулаки, и крики трибунов светлых
Утверждают потребность всех как истинное право;
Таблицы, тексты, правила, системы и библии
Даются в передержках торжественных речей;

Для человека в мире нет господина иного, чем он сам,
 И в нем самом владычествует мир;
 Оратор говорит и сильно и высоко, слово его сверкает,
 Космато и истребительно, как полеты кометы,
 Как знамя безумное, простертое к победе;
 А если он берет толпу трамплином —
 Что до того? Он тот, чья воля полна чрез край
 Вскипающими токами расцветов;
 Отчаянья, и ярости, и гневов,
 И грозное молчание горят в его руках:
 Как некий тайный властелин он видит
 Подземное глухое набуханье тайных сил.
 Когда ж в согласии простом и неизбежном сопрягутся
 Полет искателя с порывами трибуна,
 То нет у неба такой грозы,
 Таких громов у власти, у порядка такого произвола,
 Чтоб раздавить собой победу мировую.

(1807-1882)

Carillon / Колокола

From 'The Belfry of Bruges and Other Poems' (1845)

Из сборника «Башия Брюгге и другие стихотворения» (1845)

*In the ancient town of Bruges,
 In the quaint old Flemish city,
 As the evening shades descended,
 Low and loud and sweetly blended,
 Low at times and loud at times,
 And changing like a poet's rhymes,
 Rang the beautiful wild chimes
 From the Belfry in the market
 Of the ancient town of Bruges.*

*В стародавнем граде Брюгге,
 в чудном городе фламандском,
 в час, когда ложатся тени,
 в гармоническом сплетеньи,
 то шепча, то громыхая,
 смену рифм напоминая,
 льётся звон, с высот слетая,
 с Колокольни, что у рынка
 в стародавнем граде Брюгге.*

*Then, with deep sonorous clangor
 Calmly answering their sweet anger,*

*А потом истомным стоном
 отвечая перезвонам,*

*When the wrangling bells had ended,
Slowly struck the clock eleven,
And, from out the silent heaven,
Silence on the town descended.
Silence, silence everywhere,
On the earth and in the air,
Save that footsteps here and there
Of some burgher home returning,
By the street lamps faintly burning,
For a moment woke the echoes
Of the ancient town of Bruges.*

*But amid my broken slumbers
Still I heard those magic numbers,
As they loud proclaimed the flight
And stolen marches of the night;
Till their chimes in sweet collision
Mingled with each wandering vision,
Mingled with the fortune-telling
Gypsy-bands of dreams and fancies,
Which amid the waste expanses
Of the silent land of trances
Have their solitary dwelling;
All else seemed asleep in Bruges,
In the quaint old Flemish city.*

*And I thought how like these chimes
Are the poet's airy rhymes,
All his rhymes and roundelays,
His conceits, and songs, and ditties,
From the belfry of his brain,
Scattered downward, though in vain,
On the roofs and stones of cities!
For by night the drowsy ear
Under its curtains cannot hear,
And by day men go their ways,
Hearing the music as they pass,
But deeming it no more, alas!
Than the hollow sound of brass.*

*когда спор их замолкает,
бьёт одиннадцать на башне,
и из тишины всегдашней
тишина на град слетает.
Всюду, всюду тишина
– в небе, на земле она,
только поступь чуть слышна,
– то спешит домой, усталый,
горожанин запоздалый,
чи шаги рождают эхо
в стародавнем граде Брюгге.*

*Но среди своих дремот
слышал я сей чудный счёт,
возвестивший во всю мочь
ход времён, ушедших в ночь,
когда звонов столкновенье,
крася каждое виденье,
было словно предсказанье:
табор грёз и разговоров
среди непаханных просторов
края обморочных взоров
вёл своё существованье.
Остальное стало в Брюгге,
чудном городе фламандском.*

*Звон курантов – тот, что пробил,
я бы рифмам уподобил,
что поэт слагает смело,
– вдохновениям трудов,
кои с колокольни дум
разбросал поэта ум
по брусчатке городов!
Когда ночь забвеньем дышит,
рифмы спящий слух не слышит,
кто же днём спешит по делу,
ими вряд ли привлечён,
ведь, как полагает он,
то – лишь меди гулкий звон!*

*Yet perchance a sleepless wight,
Lodging at some humble inn
In the narrow lanes of life,
When the dusk and hush of night
Shut out the incessant din
Of daylight and its toil and strife,
May listen with a calm delight
To the poet's melodies,
Till he hears, or dreams he hears,
Intermingled with the song,
Thoughts that he has cherished long;
Hears amid the chime and singing
The bells of his own village ringing,
Wakes and finds his slumberous eyes
Wet with most delicious tears.*

*Но есть тот, кто понимает,
кто под крышей немудрёной
в тяготах существования,
когда шум дневной стихает,
ночью умиротворённый,
мира позабыв стенанья,
с тихой радостью внимает
тем мелодиям стиха,
чтоб услышать эти грёзы
и узнать в напеве дивном
мысли, что давно таил он.
Слышит в том напеве он
дома колокольный звон,
слышит он, как ночь тиха,
а из глаз струятся слёзы...*

*Thus dreamed I, as by night I lay
In Bruges, at the Fleur-de-Blé,
Listening with a wild delight
To the chimes that, through the night,
Rang their changes from the Belfry
Of that quaint old Flemish city.*

*Так в ночи, в чужой земле,
грезил я на Флёр-де-Бле:
там восторг меня объял,
как безумный, я внимал
звонам с Колокольни в Брюгге,
чудном городе фламандском.*

Башня в Брюгге

*Рыночная площадь в Брюгге. Башня выше древних крыш,
Трижды из руин вставая, вновь над городом царить.*

*Зарожденья дня свидетель, все смотрел я с башни вдаль.
Мир отбросил тьму ночную, как вдова - свою вуаль.*

*Деревеньки, реки, доли сквозь туман увидел взор.
Словно щит посеребрённый, вишь раскинулся простор.*

Город спал еще, однако из трубы, то там, то сям,

*Волей чванного Испанца снова край огнем объят,
Снова болью и тревогой над землей звучит набат.*

*Но уже гремит, ликуя, в Генте колокольный звон,
И несется над лагуной: «Я - Роланд, враг побежден!»*

*...Я от грохота очнулся: город ожил, загудел,
Тотчас сгинули фантомы, канув в неземной предел.*

*Словно миг, часы помчались, и, восстав от забытья,
Вдруг на площади, под солнцем, башни тень увидел я.*

.

*Тишина, что упоенно
ест ягоду за ягодою всласть
от колокольной сочной грозди звона,
что в небесах висит, боясь упасть.*

***

*В надменных городах, за судьбы их радя,
Невидимо для всех царят,
Превыше радостей, страданий и утрат,
Животворящие идеи.*

Фюрн

*Веками расширяясь как попало
от мятежей, огня и тесноты,
во время казней или карнавала,
от лавочек, базарной суеты*

*и факельных разъездов кардинала,
и от бургундской спеси и тщеты
(вплоть до теперешней черты):
ишет площадь дальним окнам приглашение
для шествия по широте своей,
эскорт и пустота сопровожденья
толпятся возле лавок торгашей
и строятся. И, пестр и бесшабашен,
привстал, глаза, крыш передний ряд
и, сговорясь, не замечает башен,
что позади, как призраки, стоят.*

Гент

*Из башен, город заполняя всклень,
металл струится, как река живая,
в литейных формах улиц отливая
из бронзы ослепительнейший день,*

*и, грандиозности явив излишек,
видна в начальной пестроте минут
процессия девчонок и мальчишек,
где бьются волны, мчатся и несут
под флагами к запруженным воротам,
влекомые Всевышним и расчетом,
преграды обтекая поскорей;*

*но дальше их подхватывает взлетом
кадил, которые, все семь, несутся
и, как бы устрашась кого-то, рвутся
взлететь серебряных цепей.*

*Кругом движенье, крики, шум и стоны,
когда она, как из краев иных,
ступает, опираясь на поклоны,*

*и задевает балдахин балконы
в качании подвесок золотых.*

*И узнают, кто с радостью, кто с плачем,
в испанском облачении до пят
фигурку с маленьким лицом горячим,
с младенцем на руках; и все спешат
пасть ниц, молитвы второпях шепча,
пока она в неведение, в короне
благословляет согнутых в поклоне —
и раскрывается за ней парча.*

*Она неторопливо проплывает
над теми, кто с колен следит за ней,
и, кажется, толпой повелевает
она одним движением бровей —
надменна, раз и навсегда дана:
подавлены сомненьем и тревогой,
все прочь бредут, помедлив. А она,*

*вобрав в себя шаги всего простора,
по зыби плеч шумящего потока
в открытый гром колоколов собора
идет — и женственно, и одиноко.*

QUAI DU ROSAIRE

Брюгге

*У этих переулков тихий ход
(так ходят после хвори и уныло
соображают: что здесь раньше было?),
а кто поторопился, долго ждет,*

*пока неспешно подойдет другой
над ясной вечеряющей водой,
и чем смягченной вещи или тени,*

*тем мир наоборотных отражений
отличней от действительных вещей.*

*А город где? Теперь тебе видней
(по непонятной логике), как он,
и перевернут, бодрствует, сверкая,
что жизнь и там не редкость никакая:
висят сады, в листве плоды срывая,
и быстро танец кружится, мелькая
в бистро, сияньем окон освещен.*

*А сверху? — Тишина, что упоенно
ест ягоду за ягодою всласть
от колокольной сочной грозди звона,
что в небесах висит, боясь упасть.*

BEGUINAGE

*Монастырь бегонок Сент-Элизабет,
Брюгге*

I

*Ворота вечно настезь, и задаром
мост проведен оттуда и туда;
однако в кельях все сидят, на старом
дворе, где чахнет вязов череда,
и ходят по одной тропе и только
в церквушку, чтобы знать, откуда столько
любви в них накопилось неземной.*

*Там, преклонясь, в накидках белокрылых,
как если б кто утысячерил их,
они стоят — по образу одной;
и каждая — и лик и отражение;
их голоса взмывают в песнопенье,
бросаясь на предельной высоте*

*с последним вскриком к ангелам, а те
его не возвращают вниз, к поющим.*

*И хор глядит в безгласии гнетущем
наверх. И все встают, потом по кругу
с поклонами передают друг другу
святую воду, от чего бледны
уста, а лбы устало-холодны.*

*Потом все в белом и по той же тропке
они идут домой, блюдя устав,
юницы сдержанны, старушки робки —
и принципалка вслед идет, отстав, —
и скоро пропадают у порога,
и к вечеру сквозь вязы в тишине
их одинокость чисто и убого
горит, как свечка в маленьком окне.*

II

*Однако то, что видит отраженным
во дворике церковное окно,
как свет и отсвет, сплавлено в одно
и предстает виденьем искаженным,
старая как столетнее вино.*

*Ложится там, а как поймешь едва ли,
на видимое — суть, и вечность — на
недолговечное, и даль — на дали,
свинцово, слепо, мрачно и без дна.*

*Там под декором лета — старых зим
безвестное взыскует сиротливо;
как будто некто кроткий у обрыва
стоит и ждет кого-то терпеливо,
и ждущая в рыданиях — за ним.*

*Муку одоления неизвестной
темной дали можно разгадать
и поступи его тяжеловесной;*

*как и умиранье — отрешенье
от опоры, что могла держать —
да! — в его испуганном сниженьи*

*на воду; но вот, тиха от счастья,
просияла и, полна участия,
развела круги поверхность вод;
он же, лебедь, непреклонно-правый,
зрелый и спокойно-величавый,
снизойдя к ней, медленно плывет.*

, « »
 ,
 1892 « -
 », -
 .
 (1855– 1898)
 . 1903 1910 -
 .
 , 1999-
 « ». ,
 .
 « ».

:
 «...Он почувствовал любовь к городу. Эта любовь, по крайней мере, не обманывала и не приносила страданий... Надо было продолжать свою собственную судьбу, свое призвание, свою миссию. Он снова принялся за свои работы – восстановление фасадов. Благодаря ему снова начали исправлять, воскрешать, старые дворцы, древние жилища – все то, что облагораживает город, дарит улицу мечтой... Красота города является произведением искусства, для осуществления которого нужна гармония, чувство меры, понимание линии и красок. Брюгге должен был сделаться именно таким... Эстетика городов очень важна. Если каждый пейзаж является душевным состоянием, как говорят, это еще более справедливо по отношению к пейзажу города... Пре-

красные города, без сомнения, создают прекрасные души... Не для того чтобы возвыситься самому, но чтобы возвеличить Искусство и Красоту, ввести в мимолетное время элемент вечности... Великая мечта его жизни о таинственной красоте для Брюгге, которая должна была образоваться из тихих звуков, неподвижного колокольного звона, домов с закрытыми окнами... Он снова ощутил непобедимую и еще более пламенную любовь к городу. В сущности, он всегда жил для этой мечты и в этой мечте».

-

, , , , 1903

1 , М М М М

богатый, сохраняющий чудные произведения Мемлинга и ван Эйка, вызывающий своими древними готическими колокольнями, тихими, неподвижными каналами, безмолвно скользящими лебедями, пустынными улицами, беспрерывным, протяжным колокольным звоном томительное, меланхолическое настроение, создал красивую, мечтательную душу поэта, полюбившего все тихое, глубокое и печальное, сумевшего передать этот исключительный, необыкновенный колорит мертвого города в своем творчестве, отличающемся неподражаемой, высокой красотой! Эта отзывчивая, утонченная до болезненности душа научилась понимать и воспроизводить ту оригинальную красоту, которая создавалась во всем городе присутствием Смерти. «Здесь везде господствовала смерть! Можно было бы сказать об этом городе, что он — музей Смерти»... И с той самой поры, когда поэт со своей юной, мечтательной, чрезмерно впечатлительной душой хотел и стремился «поскорее вырасти, научиться всему, стать наконец самостоятельным, завоевать мир — словом жить», его окружили смертью, «учили, как нужно готовиться к праведной кончине» — так как «смерть внезапно постигает людей во все возрасты», — и достигли того, что его душа навсегда разлюбила неизведанную, казавшуюся сначала привлекательною жизнь...

В этой башне помещаются знаменитые колокола, дарящие жителей каждую четверть часа разносящимися по воздуху и замирающими вдали звуками.

«Ах, эти непрерывные колокола в Брюгге, эта обедня по усопшим, постоянно раздающаяся в воздухе! С какою силою зарождают они отвращение к жизни, указывают на тщетность всего земного и вызывают предчувствие приближающейся смерти...» Эти слова вырываются как бы невольно у автора *Bruges la Morte*. Роденбах в художественной и красивой форме передавал в своем творчестве музыку этих колоколов — *urnes de lilas blancs!* — *urnes de clirysanthes!* — разносящуюся с высоты башни по воздуху, точно «нитка за ниткой». Как хорошо воссоздавал он тоскливое, меланхолическое настроение, вызываемое этими протяж-

ными звуками, в сумерки осеннего дня, под шум мелкого дождя, среди пустынных улиц! Если вам удастся услышать, кроме этой приятной, но все же механической игры колоколов, чудную музыку невидимого для вас *carillonneur*'а, когда сильные звуки так и льются с высоты, точно с небес, и по всему мертвому городу разносится грустная мелодия, — вас невольно охватывает прелесть творчества Роденбаха, вы начинаете припоминать отрывки из его стихов, отдельные фразы и выражения... Вы вслушиваетесь в эти чудные звуки, и вам кажется, что вы уже слышали это когда-то, что вам знакома и понятна печаль, разлитая вокруг вас, что вы ощущали и испытывали это одиночество «музея Смерти», — и вы вспоминаете, что все это вы встречали в произведениях Роденбаха!

Недалеко от оригинального *Beffroi*, среди сероватой дымки, точно от разлитого в воздухе ладана, можно различить две больших готических колокольни: это — собор *St. Sauveur* (место действия одной из наиболее сильных, сцен в *Le Carillonneur*) и церковь *Notre-Dame*. Эти церкви принадлежат также к тому времени, когда жители Брюгге, отличаясь богатством и могуществом, украшали свой город чудными по архитектуре зданиями. Но это относится к XII и XIII вв.; теперь же, как в церквях, так и во всем городе, неизменно царит одна Смерть! На дверях и возле дверей храмов расклеены огромные печатные объявления о предстоящих похоронах или восьмидневном чествовании одного из святых. Как только перед вами раскрываются тяжелые двери, вас охватывает какой-то неопределенный запах, присущий старым церквям и происходящий от лилий, рожdestвенских яслей, горевших свечей, церковных тканей и свадебных вуалей с букетами *fleurs d'orange*.

В полу церкви вделаны большие надгробные плиты, могилы епископов, знатных прихожан, имена, титулы, годы рождения и смерти которых стерлись мало-помалу под шествием веков. В церкви полная тишина; изредка раздается только треск горящих свечей; невидимая серая дымка, точно нежный креп, спускается на все предметы: вам кажется, что лица на древних картинах первобытных

фламандцев принимают печальное выражение, у Мадонны, написанной по преданию ван Эйком, капают из глаз горячие слезы, ее протянутая рука словно вздрагивает и благословляет вас. Младенец Микеланджело еще теснее прижимается к своей Божественной Матери, и вашу душу охватывает меланхолическое, безотрадное настроение!..

Все герои его романов представлялись живыми существами, и мне казалось, что Ж. Борлют сейчас заиграет на этом оригинальном инструменте колоколов, который стоит там, наверху, а Годелива и Барбара, как различные девушки, олицетворявшие две расы бельгийцев, жадно заслушаются, там, внизу, этой мелодией колоколов. Гюг Виан, из Мертвого Брюгге, уже совершает свою обычную прогулку вдоль тихих каналов, заходит в церковь Notre-Dame, куда привлекали его знаменитые гробницы Марии Бургундской и Карла Смелого, и удалится затем в сторону Бегинажа, Озера Любви, воспроизведенных с такими мельчайшими подробностями Ж. Роденбахом. Можно подумать, что живешь, так сказать, в произведениях поэта, точно все его герои покинули книги, приняли на этот день телесный образ и находятся здесь, среди нас, в этих узких улицах, в этих остроконечных домах, и уже прерывается всякая нить жизни и действительности, или просто выдуманные им произведения становятся настоящей действительностью!

А затем Гент! С каким волнением всегда отыскивала я этот мрачный колледж св. Барбары, этот высокий трехэтажный дом, суровый на вид, с массивными, глухими воротами, сыгравший такую большую роль не только в жизни Ж. Роденбаха, но и многих других бельгийских писателей. Затем я шла к стенам университета, где Ж. Роденбах, еще юным, жизнерадостным студентом, мечтающим о славе и любви, слушал лекции. Наконец, гентские Бегинажи, Большой и Маленький, возле которого рисуется с 1903 года памятник поэту работы Ж. Минна.

Когда я была в последний раз в Генте, перед самой войной, один из молодых бельгийских писателей и почита-

Maes, показал мне на одной из древних улиц небольшой домик, на берегу канала, где жил ребенком Ж. Роденбах, то окно, у которого он мечтал в сумерки... Кругом было тихо, ветви тенистых деревьев спускались к воде, в которой ничего не отражалось, кроме серых, несущихся облаков, — и мы оба молчали, погруженные в думы о Ж. Роденбахе, и точно для того, чтобы вывести нас из этого состояния, мимо нас, скользя, прошла монахиня, а в ближайшей церкви раздался печальный удар колокола...

Pierre Maes хотел непременно показать мне внутреннее устройство Бегинажа, которое мне не приходилось еще видеть... Мы отправились в маленький Бегинаж, куда часто заходил Ж. Роденбах к одной своей родственнице — бегинке. И точно следуя одной сцене из его романа «Искусство в изгнании», мы проделали то же, что и его герой. Мы так же позвонили, так же вышла к нам навстречу привратница и, узнав, что мы хотим осмотреть Бегинаж, прислала нам старую бегинку. Она повела нас по коридорам: мы входили в столовую, где находилось несколько бегинок, затем в рабочую, приемную комнаты, наконец, в простую келью отсутствующей бегинки. Все было так, как описывал Ж. Роденбах, и мне казалось, бегинки из рассказов поэта ожили и окружают нас.

*Но и другие города Бельгии представляли для меня огромный интерес; в Брюсселе оставались еще друзья Ж. Роденбаха, рассказывавшие мне каждый раз новые подробности его жизни. В тихом городке Фюрн, в июле, я видела процессию, которая описана им в романе *he Canllonpeur*. После других городов: Малина, Куртрэ, Уденардена и пр. необходимо было побывать у моря, огромного широкого моря, которое он так обожал. На берегу его, в небольшой тогда деревеньке, затерянной в дюнах среди лачужек рыбаков, в Кнокке в скромной вилле с большой стеклянной верандой Жорж Роденбах писал свой роман *he Carillonpeur* в течение целого лета...*

Париж, помимо вообще всемирного значения, притягивал меня как один из крупных этапов моего паломничества за границей.

Большинство туристов, осматривающих Париж, заходят на знаменитое кладбище *Pere Lachaise* и помнят его огромное, прекрасное кладбище с массой красивых памятников, разнообразных цветов и венков из бисера. Если отправиться мимо могил Россини и Мюссе, с жиденькой ивой, затем подняться к главной часовне, откуда расстилается поразительный вид на Париж, повернуть направо вплоть до площадки с памятником К. Перье, то на узкой дорожке находится могила Ж. Роденбаха. Перед нами огромная серая глыба камня, причем один кусок как будто отвалился, возле него помещается бронзовый бюст поэта, с протянутой рукой, чудесно схваченными чертами лица поэта работы г-жи А. Бенар. Внизу на сером камне черными буквами написано:

Georges Rodenbach

1855–1898

*Seigneur, donnez-moi donc cet espoir de revivre Dans la
melancolique eternite du Livre*

Слова из его известного стихотворения!

На самом камне лежит несколько бисерных венков, восковые цветы под стеклом и распятие. Часто посетители, почитатели его таланта, оставляют там розы, фиалки, иногда визитные карточки.

Сколько раз за все мои приезды в Париж я ездила туда с розами в руках, с горьким сознанием непоправимой утраты!

carillonneu' ( )....

carillonneur

?

—

прислушиваются:

...

aux Laines, rue Flamande,

Bouchoute

1680

carillonneur'a.

...

?

, rue des Espagnols;

...

!

...

St. Sauveur

. ,
 , -
 . !
 . -
 . ,
 ,
 , —
 ? —
 . — — ,
 ,
 , . . , ,
 . ,
 - ,
 — , —
 ; ;
 !
 :
 —
 ? ,
 . !
 ! : ,
 . — ,
 . , !
 — ,
 ...
 ,
 ,
 ...
 , , .
 , ,
 , ,
 ...
 , , ,
 , ,
 — ,
 ,
 ,
 ! 1743

XIII

carillonneur'a,

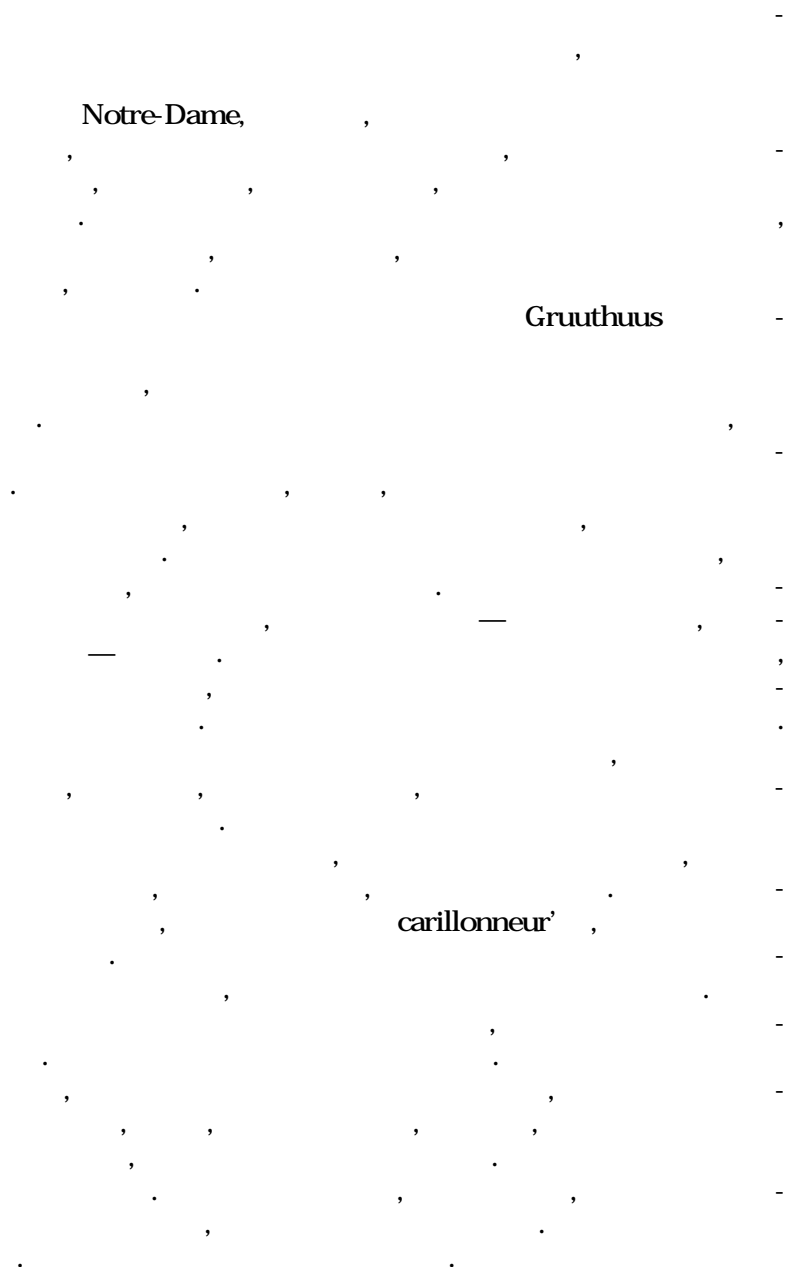
Cour de Gand, rue Courte de L'Equerre,

carillon-

Maison du Gref e,

Gruuthuus.

XV .

: «*Illmus ac Rmus D. F. de Baillencourt*
Episc. Anttv. me Dei G e nitric is Omine el Nomine consecraviv
Anno 1629».

Notre-Dame

. ? , -
 , , ? -
 — -
 . - !
 , ,
 , !
 , ,
 , ,
 ; , , , -
 , — : — ,
 — , — ,
 , ; -
 , , ; -
 , , , ,
 , , ; ,
 , , -
 — , — , — -
 , , ...
 : — -
 ? — , —
 — ! ,
 — ?! -
 — .

— , ?
— ,
. — , -
... ,
. -
. , — ,
, ,
? ? -
, -
. ? -
! ,
, ...
— , ,
, ,
! ! -
, -
! , -
; , -
, , ,
. ,
. -
, , , , -
, , , , -
, , , ,
. -
: , , -
, , -
, , , , -
, , , ,
: , ...

chambres de Rhetorique,

Quali i Fiamminghi tra Cazzante e Bruggia Temendo'l
 flotto che inver lor s'avventa, Fauna lo schermo, perche'l mar
 si fuggia.

Gruthuus'a,

1340

Gruthuus

«

!»

!

,

,

?

-

.

-

,

-

.

-

-

.

;

,

-

.

.

.

,

,

,

:

-

.

-

-

-

-

,

,

-

-

— , ; —
 ,
 ,
 .
 —
 , ,
 ,
 .

-

40 , -

« », -

« » -

30 , -

« »

(1995), « », (2001, 2002, 2006),

« » (2016).

«3000 -

» (1996, 2003), « -

» (2010), « -

» (2012).

« -

» (2012).

« -

» (2011).

«Bruges

as a Bridge between civilizations» (2010).

23.01.2017

60 84/16

Не боясь шрамов в окружении неистовой злобы,
Город твердо стоит, не склоняясь, как наши первые короли,
И прекрасное старое время проступает в его облике.
Покровительствующие звезды могут дать ему
То, что недоступно для человека, ~ вторую весну.

Когда бы я мог читать прошлого грезы
И следовать путями чести прославленных вождей,
Прекрасных дам, серьезных граждан и бравых воинов,
Если бы мог представить аристократический город,
Который выглядит, как декорация для праздника,
Я сразу вспомнил бы тебя, прекрасный Брюгге.

Роберт С. К. (1815)